

տուս և օտար ընթերցողներին հայ հին գրականության զարգացման պատմական ընթացքին ծանոթացնելու փաստով, այլև նրանով, որ Մ. Աբեղյանի քննարկվող աշխատությունը դասական հայագիտության լավագույն երկերից է և իր գիտական որակով ու մակարդակով մասնագետ ընթերցողներին ներկայացնելու միանգամայն արժանի:

Միայն, ցավոք, ներկա հրատարակության մեջ գիտակցաբար կրճատված են հայերեն բնագրում առկա պատմա-բանասիրական բնույթի բնական ու բանավիճային բազմաթիվ հատվածներ ու նմանատիպ հավելվածներ, որոնց մեջ գիտականորեն հիմնավորված են հեղինակի՝ աշխատության մեջ առաջ բաշխած շատ նոր տեսակետներ: Գրքի թարգմանիչներն ու խմբագիրները այդ կրճատումները պատճառաբանել են միայն հայագիտության նեղ մասնագետներին հետաքրքրող խնդիրներ լինելու հանգամանքով, սակայն, մեր կարծիքով, Մ. Աբեղյանի աշխատության թարգմանությունը լավագույն առիթն էր այլազգի մասնագետներին ևս իրազեկ

դարձնելու հայագիտության շատ բարդ ու վիճելի մի շարք խնդիրների: Ստացվել է, որ Աբեղյանի աշխատությունը շատ հարթ ու սահուն ստեղծված մի պոպուլյար շարադրանք է, առանց քննադատական մոտեցման ու բանավեճի: Դրանով զգալապես աղքատացվել է Աբեղյանի երկի քննական-բանասիրական բովանդակությունը, և ընթերցողն անհաղորդ է մնացել Աբեղյանի բանավիճային փայլուն տաղանդին:

Ինչևէ, անկախ այս թերությունից, Մ. Աբեղյանի «Հայոց հին գրականության պատմություն»-ը ուսերեն ներկա հրատարակությունը նշանակալից իրողություն է, և Մ. Աբեղյանի անվան գրականության ինստիտուտի նախաձեռնությունը ամենայն դրվատանքի և խրախուսանքի է արժանի: Ցանկալի է, որ ինստիտուտը նախաձեռնի նաև Մ. Աբեղյանի «Հայ վիպական բանահյուսություն» կապիտալ աշխատության ուսերեն թարգմանությունը:

Բանասիր. գիտ. դոկտոր Ս. ՀԱՐՈՒԹՅՈՒՆՅԱՆ

А. П. КАЖДАН, *Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв.* М., «Наука», 1974, 292 стр., цена 1 р. 02 к.

А. П. КАЖДАН, *Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI—XII вв.*, Ереван, изд-во АН АрмССР, 1975, 190 стр., цена 1 р. 48 к.

Заглавия этих двух книг обрисовывают их содержание с прозрачностью, составляющей одну из отличительных черт творческого почерка автора. Столь же внятно определены задача и метод. Цель исследований — разработать такую методику анализа состава и положения господствующего класса, которая позволила бы выявить объективные критерии принадлежности к нему и его внутреннего членения, а также его этнический состав и, в частности, долю армянского этноса в византийской аристократии. База исследования — многообразные источники одного из переломных периодов византийской истории. В основе работы — два главных исследовательских приема: систематизированный анализ характеристик знати у различных писателей эпохи и статистический анализ собранных автором просопографических данных о верхушке византийского общества того же времени.

Результаты проделанного исследования — как они рисуются медиевисту-«западнику» — впечатляющи. В противовес представлени-

ям, основывавшимся на изолированных высказываниях отдельных византийских авторов, обнаружена заметная эволюция в X—XII вв. внутреннего состава «если не всего господствующего класса, то, во всяком случае, его «элиты» (I, 255)¹. Эта эволюция проявлялась прежде всего в изменении соотношения двух прослоек — высшей военной и гражданской знати, чередование политического преобладания которых составляло как бы стержень всей социально-политической истории в Византии этих столетий. Различие двух названных группировок (как свидетельствуют объективные статистические показатели) отнюдь не формальное; оно касается особенностей их связи с земельной собственностью, социально-го и этнического происхождения (так, например, армянская знать была преимуще-

¹ Здесь и ниже римской цифрой I обозначается первая из двух рецензируемых монографий, римской цифрой II — вторая из них; арабские цифры указывают номера страниц.

ственно военной), степени лояльности по отношению к императорской власти и даже роли этих прослоек в культурной жизни. Рассматривая историю Византии XI—XII вв. сквозь призму борьбы двух названных прослоек, А. П. Каждан приходит к выводу о возможности по-новому истолковать и якобы антиаристократическую политику Василия II, и предпосылки возвышения Комнинов, и причины их краха. Автор устанавливает, что армяно-византийская знать занимала в XI—XII вв. весомое место в господствующей элите Византийской империи, составляя в ней 10—15% (II, 147). Он также выявляет изменение в течение двух изученных столетий конституирующих признаков «элиты»: служебное положение (до Комнинов), родство с императорским кланом (после Комниновского переворота), новое усиление роли «чиновности» в конце XII в. Наконец, А. П. Каждан констатирует, что, в противовес широко распространенному взгляду, изменения, происходившие в Византии в конце XII в., могут быть поняты как *поражение* «феодалистской» политики, проводившейся Комнинами, и что, следовательно, «феодалные тенденции оказались на данном этапе недостаточно устойчивыми» по сравнению со «старыми порядками» (I, 264). Иными словами, Византия вступала в XIII век не на подъеме феодализации, но наоборот, в условиях ее временной приостановки, вызвавшей застой (или даже регресс) в византийском обществе.

Значимость всех этих наблюдений и выводов вряд ли нуждается в разъяснении. Независимо от того, подтвердят или отвергнут их дальнейшие исследования специалистов, они несомненно представляют этап в рассмотрении всех затронутых вопросов, поскольку содержат в себе и новую концепцию, и новую аргументацию. Но именно в силу своей принципиальной важности выводы и методика А. П. Каждана заслуживают обсуждения не только в кругу византистов. В первую очередь это касается некоторых критериев выделения господствующего класса и его составных частей.

А. П. Каждан вполне справедливо настаивает на необходимости разграничить в применении к изучаемой эпохе понятия «господствующий класс», «знать», «элита». «Господствующий класс, — пишет автор, — есть совокупность эксплуататоров» (I, 11). В отличие от господствующего класса

знать представляется А. П. Каждану «скорее правовым, нежели социально-экономическим» понятием; она охватывала лиц, наделенных определенными привилегиями и обязанностями. Элита же составляла «верхушечный слой знати», отличавшийся, кроме того, причастностью к управлению (там же).

Задумавшись прежде всего над содержанием и природой анализируемых понятий. («...Самые естественные, казалось бы, понятия, — справедливо замечает автор, — нередко нуждаются в определениях» — II, 136). Все ли они были известны современникам? Легче всего ответить на этот вопрос в отношении знати. Как показывает А. П. Каждан, «наличие господствующей верхушки отчетливо осознавалось византийцами»; они не только эмпирически ощущали «существование особого общественного слоя, определяемого как *нобилитет*», но и были в состоянии провести некую — правда, «размытую» — грань между знатностью и незнатностью (I, 65; I, 29; II, 136—137). Это и дает основание автору видеть в византийской знати до известной степени правовое понятие. Формулируя свое авторское определение знати, А. П. Каждан отправлялся, следовательно, от представлений современников, для которых феномен знати был вполне реальным. Видимо, то же самое можно сказать и про «элиту». Самый этот термин заимствован из нашего научного лексикона. Но явление, им определяемое, не было неизвестным византийцам XI—XII вв. Они довольно последовательно отчленяли социальный статус высших группировок знати; со временем к ним стали все чаще относить «царских родственников», выступавших как ближайшая и важная «опора престола» (I, 70, 75; II, 137). Определение византийской элиты, данное А. П. Кажданом, было, следовательно (так же, как и определение знати), сформулировано на основе представлений самих византийцев.

Характер понятия «господствующий класс», которым постоянно оперирует автор, как будто бы менее однозначен. В большинстве случаев «господствующий класс» выступает как наше научное понятие, естественно, чуждое средневековым византийцам. Смысл этого понятия особенно четко определен там, где господствующий класс выделен как отличающийся своим преимущественным правом на землю, своей

основной долей в прибавочном продукте и своей ролью в управлении, иначе говоря, как класс, отличающийся по своему отношению к средствам производства, по своему месту в производстве и по размерам присваиваемого им общественного богатства (I, 11). Что касается представления современников о «господствующем классе», то о нем говорится лишь в одном-двух местах, где отмечается, например, что провинциальные земельные собственники, «министерялы» и городская торгово-ремесленная верхушка *«не мыслились современниками как составной элемент господствующего класса»* (I, 254), или что «само понятие господствующего класса конституировалось здесь [в Византии] противоречиво» (II, 137). Нет, однако, уверенности, что автор хотел здесь подчеркнуть существование у современников особого понятия господствующего класса (в отличие от знати или элиты). Вернее, мы встречаемся здесь с некоторой вольностью формулировок, которые должны быть поняты иносказательно². Во всяком случае, А. П. Каждан нигде не сопоставляет представления современников о знати, элите и, отдельно, о господствующем классе. Последнее понятие фигурирует, таким образом, в книге в своем собственном смысле лишь постольку, поскольку идет речь о *нашем* понимании этого явления.

Как видим, основные понятия, используемые А. П. Кажданом для познания избранного им объекта исследования, существенно различны. «Знать» и «элита» — понятия, не чуждые и самим византийцам, «господствующий класс» — научное понятие, не имевшее прототипа в представлениях византийцев. Это, разумеется, не ставит под сомнение историческую реальность византийского господствующего класса, как и не исключает возможность его изучения. (Наше научное познание и наши научные понятия не могут быть ограничены познавательными пределами людей прошлого). Однако игнорировать указанную специфику исследуемых понятий и соответствующих

² В еще большей мере это касается формулировки, где говорится, что «византийский господствующий класс мыслил себя прежде всего соучастником в государственной собственности на землю, а не совокупностью частных феодальных собственников» (I, 236). Вряд ли автор имеет здесь в виду понятие самих византийцев.

им реальностей не приходится. Очевидно, например, что если при анализе состава знати (или элиты) исследователь может в той или иной мере опереться на представления современников, то при анализе состава господствующего класса такой возможности не существует. Четкость авторского определения приобретает здесь особое значение. Она тем более необходима, что конкретизация общесоциологического понятия господствующего класса применительно к той или иной эпохе — задача не столь простая, как можно было бы подумать. Общественные классы вообще и господствующий класс в частности — не неизменные феномены, извечно равные самим себе. В разных общественно-экономических формациях рамки этих классов и сами критерии их формирования не могли быть вполне тождественными. Поэтому для определения рамок господствующего класса в Византии XI—XII вв. необходимо вначале установить, что составляет его специфику в изучаемую эпоху, каковы его отличительные признаки и как соотносятся его рамки с рамками верхушечных социальных слоев, известных византийцам.

Было бы неверным сказать, что А. П. Каждан вовсе не учитывает специфики понятия господствующего класса в исследуемое время. Очевидно, не случайно автор связывает это понятие прежде всего с классом, занятым государственным управлением, подчеркивая к тому же, что «если оставаться в пределах доступного нам материала источников, мы не можем утверждать, что экономическое могущество как таковое определяло в Византии XI—XII вв. принадлежность к господствующему классу» (I, 253; ср. II, 137: богатство не было ни необходимым, ни достаточным признаком аристократии). Тем же стремлением А. П. Каждана учесть специфическое для Византии того времени содержание понятия «господствующий класс» вызвано, вероятно, и включение в него одновременно и феодальных господ, и городской торгово-ремесленной верхушки. Однако эти и подобные им наблюдения не получили, на наш взгляд, должного осмысления. Вероятно, по этой причине некоторые конкретные выводы о включении в господствующий класс той или иной прослойки представляются подчас противоречивыми. Читатель, например, может прочесть: «в Византии XI—XII вв. господствующий класс формировался прежде

всего как правящий класс», включавший, соответственно, лишь имперскую элиту (I, 254). В другом месте, однако, столь же определенно говорится, что «основную — численно — часть господствующего класса» составляла вовсе не правящая элита, но «разряд провинциальных собственников» (I, 247). Есть и такие формулировки, в которых подчеркивается, что ни элита, ни провинциальные земельные собственники не исчерпывали собою состав господствующего класса, так как он включал в себя и «министерялов», и городскую торгово-ремесленную верхушку, представляя собою «совокупность эксплуататоров» (I, 11 и 254). Парадоксально, что каждая из этих формулировок, взятая в отдельности, выглядит по-своему оправданной. Но их сопоставление не может не породить представления о недостаточной продуманности основного исследуемого в книге понятия — византийского господствующего класса XI—XII вв.

Не объясняются ли затруднения в применении этого понятия отчасти тем, что недостаточно последовательно учитывается специфический *сословный* характер средневековых классов? Эта сословность подразумевала, как известно, особую роль юридических средостений, то *разделявших* социальные группы с одинаковым социально-экономическим положением (ср., например, светских и духовных феодалов средневековой Франции), то, наоборот, объединявших в одно сословие фактически разные классовые группы (ср. так называемое третье сословие во Франции)³. Своей выраженной формы сословность средневековых классов достигла, как известно, далеко не во всех странах. В Византии, в частности, эта сословность не получила своего полного развития. Однако в XI—XII вв. и здесь, как мы видели, наблюдалось правовое обособление знати, «частная земельная собственность» знати имела тенденцию превратиться в привилегированную *сословную* собственность» (I, 243), а некоторые высшие социальные прослойки все более превращались в отграниченные «категории» (см. I, 83). Не следует ли отсюда, что сословную специфику господствующего класса следует учитывать и для Византии XI—XII вв. в большей мере, чем это делает А. П. Каждан?

Во всяком случае, как нам кажется, для

этапа, рассматриваемого в книге Каждана, было бы продуктивным разграничить понятие господствующего класса-сословия и понятие эксплуататорских слоев вообще. Эксплуататорские слои — это все социальные группы, участвующие в эксплуатации непосредственных производителей; в их руках сосредоточены все основные средства производства, и они присваивают основную массу прибавочного продукта, произведенного в обществе. Ясно, что у разных эксплуататорских слоев, представляющих порою разные социально-экономические уклады, могут быть различными и способ экономического употребления богатства, и способ эксплуатации трудящихся. Естественно также, что эти слои могут различаться по своей роли в управлении и по своему социально-правовому статусу. Когда А. П. Каждан включает в состав господствующего класса Византии XI—XII вв. и имперскую знать, и провинциальных земельных собственников, и городскую верхушку, он характеризует, на наш взгляд, именно «эксплуататорские слои». Представить себе однородность классовой природы всей этой разношерстной массы, не обладавшей ни экономическим, ни социально-политическим единством, вряд ли возможно. Не было у совокупности этих групп и какого бы то ни было общего сословного статуса. Их нельзя поэтому подвести и под понятие класса-сословия. Под этим последним правильнее было бы, вероятно, понимать на данном этапе лишь ту социальную группу, которая обладала реальным единством и в характере принадлежавшего ей богатства, и в способе его экономической эксплуатации, и в содержании своего социально-правового статуса. Иными словами, в состав господствующего класса-сословия входили лишь те из эксплуататорских слоев (или лишь тот из них), которые в силу имевшихся у них общих социально-правовых привилегий (или сословных рамок) осуществляли реальную социально-политическую власть. В Византии XI—XII вв. такими чертами отличалась, судя по выводам А. П. Каждана, прежде всего имперская «элита», объединявшая в своих рядах «всех соучастников высшей (государственной) собственности на землю и в конечном счете на самих трудящихся» (I, 254; II, 137). Не эту ли социальную группу следует теснее всего связывать с господствующим классом в Византии XI—XII вв.?

³ См. В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 6, стр. 97.

Ставя этот вопрос, мы исходим из особенностей византийского феодализма в XI—XII вв. и, прежде всего, из его специфической «незавершенности». Именно с нею представляется нам в первую очередь связанным огромное значение элиты, которая, как это убедительно показал А. П. Каждан, действительно сыграла исключительно важную роль в складывании класса феодалов⁴. Функционирование и развитие этого класса проходили в то же время в тесной связи с различными эксплуататорскими слоями, то объединявшимися, то противостоявшим друг с другом и с элитой. Будучи одним из проявлений специфики византийского феодализма, обширность и неоднородность этих эксплуататорских слоев была, возможно, одной из причин крайней политической неустойчивости в Византии этого времени.

Кроме соображений по поводу концепции А. П. Каждана, хотелось бы сделать несколько замечаний об используемой им исследовательской методике. Это тем более оправданно, что автор относит разработку такой методики к числу важнейших задач своей работы. Можно смело сказать, что комплекс исследовательских приемов, положенных А. П. Кажданом в основу изучения византийской знати, представляет научное достижение крупного масштаба. Обусловливается это прежде всего тем, что А. П. Каждану удалось найти пути научно-объективного количественного анализа ряда важнейших вопросов, решавшихся до сих пор лишь на интуитивном уровне, методом отдельных «примеров». Степень стабильности разных прослоек знати, их социальные, этнические и социально-психологические различия, их связь с провинциальными земельными собственниками, их роль в культурной жизни, степень их мобильности — такова лишь часть многообразных аспектов, для исследования которых автору удалось предложить достаточно строгие и притом легко верифицируемые методы. Нет сомнения, что они найдут применение как в среде византинистов, так и медиевистов других специальностей.

Базу статистических подсчетов А. П.

⁴ То объяснение, которое дает А. П. Каждан особой роли элиты в Византии, представляется нам заслуживающим отдельного обсуждения; мы не можем по недостатку места остановиться здесь на этом вопросе.

Каждана составили кропотливо собранные просопографические данные о трехстах сорока знатных семьях (около 2300 чел.), входивших на протяжении двух столетий в элиту византийского общества. Автор справедливо предполагает, что известные нам 340 семей — лишь часть реально существовавших знатных родов, так сказать, «выборка» из общей их массы. Иметь дело с «выборкой», а не со всей совокупностью фактов — извечный удел историка-медиевиста, до которого всегда доходит лишь часть свидетельств, оставленных эпохой (не говоря уже о том, что далеко не все ее проявления вообще получили отражение в существовавших когда бы то ни было памятниках). Отдавая себе отчет в выборочном характере имеющихся в его распоряжении свидетельств, историк, естественно, всегда стремится понять, насколько «представительна» анализируемая им выборка и в какой мере адекватно она отражает историческую реальность. Именно так и поступает А. П. Каждан, трезво констатирующий, что «возникает вопрос, насколько могут считаться репрезентативными данные, извлеченные из столь ограниченного круга источников» (II, 152), что полученная «выборка неравномерна и представляет верхушку византийского общества в смещенном виде» (I, 23). (Выражается эта «смещенность» в том, что «Константинополь заслонил провинцию» и что «рыцари и министры, городской патрициат и другие незнатные группы», включая и все землевладельческие слои, попадают в поле зрения лишь если им удастся сделать карьеру при дворе). Тем не менее, замечает автор, «мы сможем применить метод выборочных подсчетов», поскольку «мы будем иметь дело с массовым, хотя и не исчерпывающим материалом» (I, 25). «Если в каждом конкретном случае, при анализе истории каждой отдельной семьи, сохранившиеся данные могут оказаться сомнительными и неполными..., то их совокупность... может быть репрезентативной» (II, 152). Более того, «мы могли бы рассматривать число 2300 как естественную выборку, достаточно представительную для того, чтобы вынести суждение о составе и характере господствующей верхушки Византийской империи» (I, 101—103).

Цитированные суждения автора о характере анализируемой выборки представляют нам не вполне последовательными и не

бесспорными. Начать с того, что «массовость» материала не может сама по себе помочь «методу выборочных подсчетов» преодолеть неравномерность и «смещенность» выборки. Выборка позволяет с большей или меньшей достоверностью судить о так называемой генеральной совокупности лишь в том случае, если она составлена с соблюдением принципа случайности в самом отборе включаемых в выборку элементов (т. е. если каждому элементу генеральной совокупности обеспечена равная возможность быть включенным в выборку)⁵. Имеющаяся в распоряжении А. П. Каждана выборка лишена этого свойства и потому нет оснований считать ее «представительной» (в математико-статистическом смысле этого термина) для суждения о составе «верхушки Византийской империи».

Преодолению этих недостатков имеющейся выборки, видимо, не может помочь и отнесение ее к разряду «естественных» (т. е. таких, состав которых определила «жеребьевка времени»). Хотя в специальной литературе 50-х—60-х годов высказывалась мысль, что такие выборки можно было бы относить к «случайным» (и следовательно, к репрезентативным), в последующих работах это мнение было справедливо отвергнуто. Одновременно были предложены различные способы проверки репрезентативности естественных выборок⁶. Собственный материал А. П. Каждана также свидетель-

ствует о том, что «естественная» выборка, имевшаяся в его распоряжении, в действительности не была репрезентативной (см. I, 23—24). В полученные при ее анализе цифровые данные требовалось бы поэтому внести более или менее существенные поправки. И здесь надо отдать справедливость исследовательскому чутью А. П. Каждана. При истолковании выборочных оценок он в ряде случаев делает как раз те оговорки, которые вытекают из специфических недостатков используемой выборки. В немалой мере автору помогает здесь то, что его выводы чаще всего базируются на результатах двух различных исследовательских методик: статистические выкладки подкрепляются и проверяются анализом «самовыражения» эпохи, т. е. данными, почерпнутыми из сочинений современников о самих себе. Тем не менее отсутствие необходимой проверки снижает надежность статистического анализа А. П. Каждана.

Особенно это касается случаев, в которых авторские выводы базируются преимущественно на истолковании цифровых показателей. Вот, например, анализируя таблицу № 3, А. П. Каждан отмечает: «если остальные семьи особенно интенсивно выдвигаются в середине XI в. (31% всех учтенных семей), то линияжи клана Комнинов появляются в этот период в сравнительно малом числе (18%)» (I, 176). Приведенные автором цифры (31% и 18%) и в самом деле достаточно различаются между собою, чтобы можно было говорить о разных тенденциях в двух сопоставляемых прослойках знати. Вспомним, однако, что в нашем распоряжении данные *выборки*. Соотношение частей в ней будет, естественно, несколько отличаться от соотношения частей в генеральной совокупности. Чтобы не ошибиться в оценке выборочных данных, следовало бы рассчитать те интервалы («доверительные интервалы»), внутри которых с заданной степенью надежности («доверительной вероятности») могли находиться исследуемые показатели. Как показывают несложные подсчеты, в приведенном примере следует допустить возможность разброса первого из сопоставляемых показателей между 40% и 24%, а второго — между 33% и 9% (при доверительной вероятности в 95%). Нетрудно видеть, что полученные интервалы частично «перекрывают» друг друга (на отрезке от 33% до 24%). Следовательно, вывод А. П. Каждана, осно-

⁵ И. Г. Венецкий, В. И. Венецкая, Основные математико-статистические понятия и формулы в экономическом анализе, М., 1974, стр. 180.

⁶ См. J. Topolski, Metodologia historii, Warszawa, 1968, стр. 346; S. Bógrowski, Kriteria oceni źródeł statystycznych, „Studia Źródłoznawcze“, t. 10, 1965; И. Д. Ковальченко и др., Количественные и машинные методы обработки исторической информации, «Доклады XIII Международного конгресса исторических наук», т. I, ч. 2, М., 1973, стр. 195; К. В. Хвостова, Некоторые вопросы применения количественных методов при изучении социально-экономических явлений средневековья, «Математические методы в исторических исследованиях», М., 1972, стр. 21 и сл.; В. А. Якубский, Количественные методы и аграрная история барщинно-крепостнической Польши, там же, стр. 223.

ывающийся на различии полученных цифр, требует весьма существенных оговорок.

Аналогичные замечания могут быть, к сожалению, сделаны и по отношению к очень интересной таблице № 6. Опираясь на цифры этой таблицы, автор прежде всего констатирует более тесную связь гражданской знати (по сравнению с военной) с торгово-ремесленной деятельностью, ибо «доля имен профессионального происхождения — от наименования торгово-ремесленных профессий — у гражданских семей по таблице почти вдвое выше (13% и 7,5%), чем у военных» (I, 194). Однако доверительные интервалы для двух приведенных показателей и здесь перекрывают друг друга, причем в еще большей степени, чем в предыдущем случае: их границы — 20%—8% (для гражданской знати); 15%—3% (для военной знати). Что касается выводов, которые делает А. П. Каждан при относительно небольшом разрыве сопоставляемых показателей, как, например, вывод, что «может быть не случаен и больший процент имен монастырского происхождения в гражданской среде (5,5% против 3,5%)» (I, 195), то их приходится считать и вовсе неубедительными. Соответствующие доверительные интервалы здесь полностью перекрывают друг друга: 10%—2% и 10%—1%. Математическая статистика открывает, как видим, очень важные возможности не только для более углубленного анализа исторической действительности, но и для проверки надежности статистических выкладок.

Отмеченные недостатки статистических подсчетов А. П. Каждана касаются, к счастью, сравнительно немногих из его вычислений. Подкрепляемые, как уже отмечалось, в своем большинстве тщательным анализом высказываний современных писателей, статистические выводы автора в своей основной массе, по-видимому, верно отражают характерные черты знатных родов, вошедших в «анкету». Вспомним, однако, что А. П. Каждан поставил перед собою задачу разработать *методику* изуче-

ния византийского господствующего класса. С *методической* же точки зрения отказ от проверки надежности статистических выкладок вряд ли может быть оправдан. Такая проверка нужна не из соображений формального соблюдения математической процедуры. Дело также не в том, чтобы устранить арифметическую неточность отдельных расчетов: историка, как известно, интересуют не столько абсолютные цифры, сколько тенденции, которые они отражают. Необходимость исследовать достоверность статистических показателей и изучать пределы возможного их колебания обусловливается самой *природой* цифрового материала, находящегося в распоряжении медиевиста. Как не раз подчеркивается и в книге А. П. Каждана, дошедшие до нас данные во многом случайны. Именно эта случайность сохранившихся данных позволяет реконструировать с их помощью картину исторического прошлого в целом. Но она же предопределяет обязательность оценки того, *насколько* случайны дошедшие до нас данные, *в какой мере однозначно* их содержание. Без этого легко поддаться гипнозу цифровых показателей и ошибиться в определении самих тенденций развития. Эта опасность и заставила нас остановиться на отдельных сомнительных расчетах А. П. Каждана, несмотря на то, что содержащиеся в них ошибки затрагивают, видимо, лишь частные выводы автора.

Подытоживая впечатления о новых книгах А. П. Каждана, хотелось бы со всей силой подчеркнуть их новаторский характер. Богатство концепционного содержания и методическая новизна превращают их в незаурядное явление в развитии марксистской медиевистики. Естественно, что это не может не привлечь к ним внимания специалистов самого разного профиля. Высказанные нами замечания могли бы рассматриваться лишь как подтверждение этого вывода.

Доктор историч. наук Ю. БЕССМЕРТНЫЙ
(Москва)